

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''19'' ТЗ(2) 612–414.8

«КОНФИСКОВАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ В СВОЮ ПОЛЬЗУ»? К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ «СОВЕТСКОГО БОНАПАРТИЗМА»¹

Т. А. Филиппова

Российская академия наук, институт российской истории, г. Москва

В статье анализируется ряд аспектов истории формирования феномена «советского бонапартизма» в годы Гражданской войны в Советской России как проблемы политической культуры большевизма. На примере двух персонажей раннесоветской истории (М. А. Муравьев, Н. А. Григорьев) автор исследует проблемное поле интерпретаций угрозы (реальной и мнимой) раннесоветскому режиму со стороны популярных в массах «красных командиров». Неизбежное перерастание революции в гражданскую войну наглядно роднило ситуацию Великой Французской революции и революций 1917 года в России. Осознание этого политического алгоритма требовало от власти своевременной реакции и адресного отношения к тем, в чьем поведении ею прочитывалась угроза бонапартизма.

Работа базируется главным образом на опубликованных источниках (историко-философские работы идеологов и «творцов» социализма – К. Маркса, Л. Троцкого, В. И. Ленина; воспоминания и дневники участников гражданской войны, официально-документальные материалы, характеризующие политику большевистского руководства в отношении «красных командиров»; современная российская публицистика по проблемам гражданской войны и «советского бонапартизма»). Теоретико-методологические аспекты исследования связаны с применением методов психоистории, анализом эмоциональной природы социального и политического поведения личностей и масс в условиях исторического кризиса. Помимо традиционных для исторического исследования методов историзма и сравнительно-исторических техник, используются также культурно-антропологические стратегии деконструкции природы «советского бонапартизма». На основе проделанной работы автор приходит к выводу: культурный провинциализм, политический дилетантизм и психопатологии личных качеств (на фоне изменения общего политического курса большевистской власти) закономерно обрекали на неудачу попытки «советский бонапартов» оформить режим личной власти. Однако именно в раннесоветской России начал формироваться «репертуар» образов и мифологем «советского бонапартизма» - и как фобий власти, и как аргументов в борьбе с политическими противниками – реальными и мнимыми.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00160а

Ключевые слова: Гражданская война в Советской России, феномен «советского бонапартизма», Наполеон, фобии большевизма, М. А. Муравьев, «муравьевщина», Н. А. Григорьев, «григорьевщина», Н. И. Махно, В. А. Антонов-Овсеенко, политическая культура большевизма.

«... Кто говорит “приятие революции”,
тем самым признает и “приятие реакции”».

Пётр Струве

Аркадий Аверченко, ещё не переживший драматического опыта революции и гражданской войны, написал как-то забавный фельетон о начинающем чудакедраматурге, пришедшем к нему, Аверченко-редактору, с пьесой под названием «1812 Год». По ходу чтения редактор обнаруживает, мягко говоря, несообразность в составе действующих лиц пьесы:

«Аверченко: У вас тут в штаб затесалась какая-то странная личность: Бонапарт.

Драматург: Ну да? Что вас так удивляет?

А.: Бонапарт-то... Ведь это и есть Наполеон.

Д.: Еще что выдумаете! Был генерал Бонапарт и был император Наполеон.

А.: Но, клянусь вам, что это одно и то же лицо!! Его так и звали: Наполеон Бонапарт.

Д.: Э, черт! То-то я смотрю, что они все вместе были: куда Наполеон, туда и Бонапарт. Я, признаться, думал, что это его адъютант. Вот досада!

А.: Почему вы досадуете?

Д.: Да, как же! Я ведь Бонапарту совсем другой характер сделал. Он у меня холерик, а Наполеон сангвиник; они часто спорят между собой, и Бонапарт даже, однажды, впал в немилость. Ведь тут у меня любовная интрига! Оба они влюбляются в одну и ту же помещицу...»².

На удивление точно талантливый сатирик предугадал образно-стилистические метаморфозы типов политического поведения новой власти в символическом пространстве будущей, раннесоветской истории, со свойственной ей ускоренной ротацией политических ролей и амплуа. Энергичные провинциальные «бонапарты» – «красные командиры», порождённые стихией революции, сгорают в её котле. Погибает в изгнании (как и когда-то великий корсиканец) Лев Давыдович Троцкий, создатель Красной Армии и усмиритель «русского бунта», ближе других подошедший с «наполеоновской» славе. А тем временем – из того же «котла» революции – отливается стальная фигура самодержца новой «империи», советского «Наполеона», восточный колорит которого не опровергал, а саркастически подкреплял метафорическую аналогию постреволюционной истории: ведь и Россия – не Франция...

² Аверченко А. А. 1812 год. Пьеса. Собрание сочинений в шести томах. М., 2000. Т. 4. Averchenko A. A. 1812 god. P'esa. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. M., 2000. T. 4.

Неизбежное перерастание революции в гражданскую войну наглядно роднило ситуацию Великой Французской революции и революций 1917 г. в России. Осознание этого политического алгоритма требовало от власти каждый раз своевременной реакции и адресного отношения к тем, в чьём поведении ею прочитывалась угроза бонапартизма. Страшила и амбивалентность феномена в восприятии его разными общественными слоями, в той или иной мере приобщёнными к советской власти и политической активности. С одной стороны, героико-романтические коннотации образа воина-победителя, славного полководца с популистской риторикой не могли не вдохновлять «красных командиров» с дореволюционным культурным прошлым. С другой, – острые опасения «бонапартистского переворота» как угрозы для «революционной власти» неизменно посещали верхние эшелоны большевистского руководства, не до конца уверенного в прочности своего положении в новой государственной иерархии. Неудивительно, что с самого начала своего правления большевистские лидеры, руководствуясь предупреждениями Карла Маркса («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»³), проявляли бдительность в отношении собственных боевых командиров (не всегда управляемых). Ибо не без основания опасались обострений внутри политического треугольника (власть–массы–армия), который по европейской традиции мог стать полем действия бонапартистской идеи и практики.

Однако в условиях революционной альтернативности специфика культурного бытования образа Бонапарта, совместившего в одной судьбе амплуа офицера революции и создателя империи, давала основание и для третьей перспективы. О закономерности перерастания революционной стихии масс в контрреволюционную стратегию властей в рамках одной и той же личности писал ещё Пётр Струве. И предлагал принять за данность парадоксальный алгоритм эпохи: «кто говорит “приятие революции”, тем самым признает и “приятие реакции”»⁴.

Историография изучения феномена раннего советского бонапартизма и традиционна, и нова одновременно. Конкретно-исторический контекст явления хорошо изучен в отечественной и зарубежной исторической

³ «Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого... Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона, другими словами – совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт создаёт настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует её, делает её одновременно отвратительной и смешной». (Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 215–217.)

Marks K. 18 bryumera Lui Bonaparta // Marks K., Engel's F. Sobr. soch. T. 8. S. 215–217.

⁴ Струве П. В. Дневник политика (1925–1935) М., 2004. С. 184.

Struve P. V. Dnevnik politika (1925–1935) M., 2004. S. 184.

литературе, тогда как интересующие нас аспекты психо-исторического и политико-культурного его наполнения достаточно новы в научном дискурсе. Высокую исследовательскую планку в методологическом и историософском звучании темы задают работы В. П. Булдакова. Ибо они обеспечивают современный научный инструментарий для деконструкции феноменов фобийности, насилия, психопатологий и массового мифотворчества в ходе революции и Гражданской войны в России⁵.

Ранее других в постсоветский период изучением прецедентов «советского бонапартизма» как проблемы выстраивания модели поведения новой власти занялся Б. В. Соколов⁶, поставив в центр своего исследовательского подхода проблему обоснованности приложения к тому или иному деятелю того времени политической мифологии «бонапартизма». Интересные предметные исследования темы «бонапартистских» тенденций в поведении военачальников и государственных деятелей эпохи Гражданской войны были проделаны В. А. Савченко, А. В. Мишиной, Н. Е. Какуриным, А. Лисенко, В. Семенко, А. Здановича, А. Ганина и др., к ряду положений которых автор обратится в ходе данной работы.

Тема «советского бонапартизма», в рамках которой мне довелось продолжить дело друга и коллеги, Сергея Сергеевича Секиринского⁷, виделась исследователю как проблемное поле интерпретаций угрозы (реальной и мнимой) новому режиму «изнутри» – со стороны популярных в массах, успешных в сражениях и обладавших харизмой советских военачальников. Возможные (или воспринятые таковыми) конкуренты в борьбе за политическую власть и сердца народных масс с неизбежностью обрекались властью на роль ритуальной жертвы, снова и снова доказывая, что призрак бонапартизма в глазах советских лидеров представлял собой источник постоянных страхов и тяжких обвинений⁸.

В связи с этим представляется важным отследить момент кристаллизации феномена «советского бонапартизма» в ходе Гражданской войны –

⁵ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.; *Ego zhe. Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930. M., 2012.*

Buldaikov V. P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M., 2010.; *Ego zhe. Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930. M., 2012.*

⁶ См.: Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск, 1999.

Sokolov B. V. Mikhail Tukhachevskii: zhizn' i smert' «Krasnogo marshala». Smolensk, 1999.

⁷ Данная работа – часть общего замысла исследовательского проекта, задуманного и начатого доктором исторических наук Сергеем Сергеевичем Секиринским, так трагически рано ушедшим из жизни, но успевшим заложить важные историко-культурные основания для исследования темы.

⁸ См.: Секиринский С. С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6. С. 143–157.

Sekirinskii S. S. Napoleon v Rossii: sud'ba legendy // Rossiiskaya istoriya. 2012. № 6. S. 143–157.

как проблемы *восприятия* в пространстве политико-культурного менталитета новой власти. Ряд персонажей раннесоветской истории, заподозренных большевистским руководством в этом опасном для нового режима «искусе», дают пример того, как формировался и работал механизм восприятия новой властью «красных командиров», возможных кандидатов в «совбонапарты».

Отечественная историография даёт разные ответы на вопрос, были ли реальные военно-политические основания для подобных опасений у большевистского руководства⁹. Ряд исследователей, в том числе и за рубежом, составляли даже целые списки тех, кто (используя риторику Меттерниха в адрес Наполеона) хотели бы «конфисковать Революцию в свою пользу»¹⁰.

Нам же суть проблемы и вытекающей из её постановки задачи видится в том, чтобы вскрыть, деконструировать изрядно мифологизированные, не обладающие статусом реальности, но от того не менее очевидные историко-психологические основания подобных страхов у советской власти в начальный период её существования. Для этого важно понять, в какой мере за тревогой новой государственной элиты стояли «свежие», актуальные угрозы эпохи Гражданской войны, в котле которой вызревали, закалялись и бесследно исчезали буйноголовые «чапаи»¹¹, а в какой – эти страхи отражали структуры исторической памяти, в «культурных депо» которой образ Бонапарта отложился архетипическим воплощением столетних фобий, филий и маний, характерных для российского общественного сознания и государственной мысли.

Примечательно, что политика большевистских властей (обеспечение внешней безопасности, создание нового правопорядка, апология и героизация военных побед) в своих интенциях напоминала (с поправкой на историко-культурную конкретику) «формулу успеха» Наполеона Бонапарта. Можно спорить, приложима ли к России мысль «Тацита революции», Антуана Ривароля, о неизбежности перерождения Великой

⁹ К примеру, ряд авторов российского исторического журнала «Родина» не раз обращались к этой острой теме (См. к примеру: *Зданович А.* «Тёплая компания «Красного Бонапарта» // Родина. № 12. С. 43–47; *Ганин А.* «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90). Автор выражает благодарность доктору исторических наук Б. Соколову за ценные советы по теме работы.

Zdanovich A. «Teplaya kompaniya «Krasnogo Bonaparta» // Rodina. № 12. S. 43–47; *Ganin A.* «Smolensk prodiktuet svoyu rol' Moskve». Voennaya elita i podgotovka bonapartistskogo perevorota v SSSR // Rodina. 2013. № 4. S. 88–90.

¹⁰ См., к примеру: *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2008. С. 241–243.

Sorokin P. A. Sotsiologiya revolyutsii. M., 2008. S. 241–243.

¹¹ «Дневниковая запись Дмитрия Фурманова от 6 августа 1919 г. фиксирует его диалог с «Чапаем», в котором выразилось (пусть и в очень наивной форме) характерное для того времени «головокружение» начдива, как и Бонапарт, выдвинутого революцией и вполне готового помериться силами с легендарным французским полководцем». (См.: *Секиринский С. С.* Наполеон в России: судьба легенды. С. 145).

Sekirinskii S. S. Napoleon v Rossii: sud'ba legendy. S. 145.

революции: «Диктатура толпы всегда готовит диктатуру сабли». Но многочисленные аналогии в истории французских революций и революции российской (как символический знак, как развёрнутая аллегория) не могли не отразиться в умонастроении и критической рефлексии тогдашнего общества, по крайней мере, в той его части, которая к тому времени не потеряла способности к интеллектуальным упражнениям и культурным ассоциациям. То же можно сказать и о новой власти, ряду представителей которой вполне хватало образованности для формирования подобных аналогий, и о зарубежных наблюдателях событий Гражданской войны в России. К примеру, британский троцкист и теоретик марксизма Тед Грант, не колеблясь, определил складывавшийся тогда режим как «пролетарский бонапартизм», бюрократическое «рабочее государство», созданное на основе военных успехов¹².

Именно в эпоху Гражданской войны из ряда политических прецедентов начало складываться идейно-символическое пространство «страхов и обвинений» по поводу реальных, а чаще всего мнимых угроз советскому режиму со стороны претендентов в «бонапарты». Именно тогда, в раннесоветской России, начал формировать «репертуар» своих «героев» и «антигероев», соответствующих образов и мифологем – от доморощенных «бонапартизмов» Гражданской войны до сталинского монолита «красной империи».

В этом смысле представляется интересным сравнить рисунок и итоги политического поведения двух тогдашних кандидатов в «бонапарты», призванных революцией к оружию. Это Михаил Артемьевич Муравьёв, капитан царской армии, произведённый Керенским в подполковники и, по мнению ряда исследователей, мечтавший о роли «красного Наполеона»¹³, и атаман Никифор Александрович Григорьев, штабс-капитан царской армии, также выходец из крестьян, как и Муравьёв¹⁴.

¹² См.: Грант Т. Марксистская теория государства. (Чуть больше о государственном капитализме) // Marxist archive. URL: <http://www.1917.com/Marxism/Grant/aii.html>

Grant T. Marksistskaya teoriya gosudarstva. (Chut' bol'she o gosudarstvennom kapitalizme) // Marxist archive. URL: <http://www.1917.com/Marxism/Grant/aii.html>

Ещё один ракурс подобной аналогии (скорее – уподобления) намечает современный исследователь, подчёркивая общую для Наполеона и Сталина инородческую «патриархальность» корней политического поведения французского императора и советского генсека. См.: Колташев В. Личность Сталина и бонапартизм // Рабкор.ру. 30.03.2009. URL: <http://rabkor.ru/likbez/2009/03/30/lichnost-s>

Koltashev V. Lichnost' Stalina i bonapartizm // Rabkor.ru. 30.03.2009 / URL: <http://rabkor.ru/likbez/2009/03/30/lichnost-stalina-i-bonapartizm>

¹³ См.: Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 44.

Savchenko V. A. Avanturyisty grazhdanskoi voyny: Istoricheskoe rassledovanie. Khar'kov; M., 2000. S. 44.

¹⁴ М. А. Муравьёв и Н. А. Григорьев не остались единственными претендентами на роль «советских бонапартов» той эпохи. В «бонапартизме» большевики подозревали И. И. Вацетиса, командира Латышского корпуса, руководившего разгромом отряда Попова во время левозэсеровского выступления в Москве 6–7 июля 1918 г.; Ф. К. Ми-

Честолюбивый выходец и низов, Муравьев ещё до революции сблизился с эсерами, что в будущем послужило основанием для подозрений со стороны большевистских властей. Впрочем, это не помешало им позднее, 29 октября 1917 г., дать М. А. Муравьеву должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа (10–12 тыс. штыков при 35 орудиях). Возможно, сыграл роль тот факт, что Муравьев сразу же после Октябрьской революции предложил свои услуги новой власти.

Григорьев же, будучи командиром полка в армии УНР, поддержал переворот гетмана Скоропадского, но скоро разочаровался и в нём, и в режиме германской оккупации. Что и определило его участие совместно с С. В. Петлюрой и другими руководителями УНР в восстании против гетмана. Однако личные амбиции заставили его уже в середине ноября 1918 г., когда против гетмана началось всеобщее восстание под руководством Директории, провозгласить себя «Атаманом повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии». Рядом с Петлюрой Григорьеву было тесно, и он вышел из его подчинения.

Примечательно, что большевистское руководство, даже недолюбливая честолюбивого Михаила Артемьевича, охотно использовало до поры его компетентность как военспеца, популярность в войсках и организаторские способности, в особенности – в такие критические моменты, как подавление «юнкерского мятежа» и «винных бунтов» в Петрограде в ноябре 1917 г. Энергичные действия Муравьева в ходе подавления выступления Керенского – Краснова произвели впечатление на В. А. Антонова-Овсеенко¹⁵, постаравшегося, однако, прорекламировать свои заслуги в этом деле и, конечно же, роль Ленина: «Я добился от него (М. А. Муравьева. – Т. Ф.) создания двух фланговых групп для угрозы Красновскому тылу – в Колпине и Ораниенбауме. Громадные силы были введены в действие, осо-

ронова и Б. М. Думенко, кавалерийских начальников, командовавших наиболее боеспособными соединениями на европейском театре военных действий; «золотопогонника Тухачевского»; даже вполне лояльного С. М. Будённого, не обременённого политическими амбициями. И это при том, что из всех тех, кого большевики подозревали в бонапартизме в годы Гражданской войны, только Григорьев действительно попробовал стать «советским Бонапартом».

¹⁵ Судьба как минимум дважды непосредственно связывала В. А. Антонова-Овсеенко и М. А. Муравьева. Член штаба Петроградского военного округа и помощник командующего войсками военного округа во время выступления Керенского-Корнилова, Антонова-Овсеенко позднее, в ноябре-декабре 1917 г., сменил на посту командующего Петроградским военным округом М. А. Муравьева. В конце 1917 г. руководил действиями южной группы советских войск, а после вступления в Харьков и провозглашения съездом Советов советской власти на Украине, передал М. А. Муравьеву, своему начальнику штаба, командование войсками, дислоцированными на Украине. (Подробнее см: *Ракитин А. В.* А. Антонов-Овсеенко. Л., 1989; *Шрамко С.* Забытый автор Октября // Сибирские огни. 2007. № 11)

Rakitin A. V. A. Antonov-Ovseenko. L., 1989; *Shramko S.* Zabytyi avtor Oktyabrya // Sibirskie ogni. 2007. № 11.

бенно после того, как в дело вступил непосредственно Ленин и двинул на позицию петроградских рабочих, возбудив их массовый подъём»¹⁶.

Не упомянутый Антоновым-Овсеенко (по конъюнктурной «забывчивости») Троцкий, не только двинувший питерских солдат и рабочих на Краснова, но и сумевший распропагандировать красновских казаков, менее пафосно описывает ситуацию, в которой, похоже, от Муравьёва и не требовалось больших полководческих способностей. Особенно – в ситуации взаимного обмана Краснова и Керенского и подавляющего превосходства советских войск¹⁷. Троцкий явно недолюбливал Муравьёва, ощущая в нём иную природу политической энергии и революционного активизма, а возможно – и испытывая ревность к его способности увлечь за собою войска.

Не питало большевистское руководство особой любви и к Григорьеву. 1 февраля 1919 г. атаман связывается с командованием Красной Армии и предлагает создать большевистско-левоэсеровский Реввоенсовет Украинской Красной Армии. 18 февраля в Харькове Григорьев встретился с представителями Советской Украины и согласился войти в состав 1-й Заднепровской дивизии Красной Армии, при условии автономии его бригады¹⁸.

Антонов-Овсеенко, наблюдательный по части активности тогдашний кандидат в «бонапарты», вполне определённо утверждал потом, что Григорьеву «мы естественно не доверяли», и уже в марте 1919 г. стремились «под каким-нибудь предлогом» сместить его с командования бригадой¹⁹. А вольнолюбивый Григорьев в свою очередь возмущался «засилием комиссаров». Однако до поры действия бригады Григорьева были успешными: в марте – апреле ею был освобождён Херсон, Николаев и Одесса; французские и греческие интервенты (впрочем, и сами собравшиеся в обратный путь) были изгнаны. А богатые трофеи добавили энтузиазма и самому Никифору Александровичу, и его сторонникам. Бригада же Григорьева была развернута в 6-ю дивизию 3-й украинской советской армии.

Возвращаясь к Муравьёву, отметим, что портрет его, созданный Троцким, довольно уничижительно описывает его личность, но даёт представление о некоторых его профессиональных способностях:

«Муравьёв был прирожденным авантюристом... Хлестаков и фанфарон, Муравьёв не лишен был, однако, военных дарований, быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его... В отличие от других военных работников того периода, особенно партийных, он не жаловался на недочеты, прорехи, на саботаж, а, наоборот, все недочеты

¹⁶ Цит. по: *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918. М., 2006. С. 334–335.

Petibridzh R. Russkaya revolyutsiya glazami sovremennikov. Memuary pobeditelei i pobezhdenykh. 1905–1918. M., 2006. S. 334–335.

¹⁷ *Троцкий Л. Д.* Петроград // *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 3. Ч. 2. С. 78.

Trotskii L. D. Petrograd // *Trotskii L. D.* Sochineniya. M.; L., 1925. T. 3. Ch. 2. S. 78.

¹⁸ *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 96.

Savchenko V. A. Op. cit. S. 96.

¹⁹ *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 68.

Antonov-Ovseenko V. A. Zapiski o grazhdanskoi voine. M., 1933. T. 4. S. 68.

заделывал жизнерадостным многословием, заражая постепенно и других верою в успех»²⁰.

«Вера в успех» как осознанная стратегия, безусловно, ассоциировалась с «наполеоновским» типом личности, вынуждая большевистское руководство одновременно – и использовать Муравьёва, и опасаться его. Похоже, для советских вождей в условиях гражданской войны «авантюризм» и «бонапартизм» всё больше становились синонимами, опасными признаками готовности «красных командиров» перехватить инициативу и революционный/контрреволюционный порыв. Их энергия нуждалась в усмирении и придании ей точной направленности. Эту миссию не раз брал на себя (не всегда удачно) Лев Давыдович. Ибо далеко не все тогдашние военно-полевые «бонапарты» готовы были отрешиться от политических амбиций и пополнить собою номенклатуру Красной Армии (как, к примеру, С. М. Будённый).

Схожий рисунок поведения в кризисных ситуациях, свойственный Н. А. Григорьеву, не ускользнул от внимания большевистского руководства. «Сам Григорьев как человек представлял из себя интересный тип. Был он чрезвычайно храбрый, решительный человек, прекрасно ориентировался на поле боя, имел феноменальную память, силу воли и гражданское мужество. Умел владеть толпой, никогда никому не льстил. Но были и отрицательные стороны его характера. Был он чрезвычайно самолюбив и честолюбив. Временами слишком самоуверенный, мало дисциплинированный, политически почти неграмотен. Любил деньги, сильно пил, имел только одну идею – возвышение своего “Я”»²¹. Эта парадоксальная характеристика атамана принадлежит бывшему начальнику штаба Никифора Александровича, Ю. И. Тютюннику. Многие в этом портрете совпадают с образом М. А. Муравьёва в оценке Троцкого и Антонова-Овсеенко, намечая на формирующийся на глазах типаж тогдашнего отечественного «бонапартизма». Тот же «перегрев» честолюбивых амбиций, то же возвышение собственной роли, то же отсутствие сколько-нибудь адекватных представлений касательно внутри- и внешнеполитической ситуации, тот же полуграмотный провинциализм, тот же истероидный психотип личности, та же готовность грабежами и реквизициями подкрепить лояльность войск.

И снова «революционная необходимость» заставляла власть проявлять снисходительность к «побочным» качествам «нужного революции человека». Советский командарм 2-й Украинской армии А. Е. Скачко по деловому конкретно докладывал в центр: «Одессу взяли исключительно войска Григорьева. В двухнедельных бесперывных боях бойцы показали

²⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 78.

Trotskii L. D. Op. cit. S. 78

²¹ Генерал-хорунжий Армії УНР. Невідома автобіографія Ю. Тютюнника. Публікація Божка О. // Журнал «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ». 1998. № 1/2 (6/7). С. 42. Об отсутствии политической грамотности у Н. А. Григорьева см.: Лисенко А. Во главе повстанческих масс: атаман Никифор Григорьев.

General-khorunzhii Armii UNR. Nevidoma avtobiografiya Yu. Tyutyunnika. Publikatsiya Bozhka O. // Zhurnal «Z arkhiviv VUCHK-GPU-NKVD-KGB». 1998. № 1/2 (6/7). S. 42.

выносливость и выдающуюся революционную стойкость, а их командиры – храбрость и военный талант... Прошу товарища Григорьева, который лично показал пример мужества в боях на передовых линиях... наградить орденом Красного Знамени...»²².

Но что особо роднило двух советских кандидатов в «бонапарты», так это паталогическая жестокость и отсутствие всяких колебаний в применении силы, помноженные на эксцессы нетрезвого антисемитизма. Так, командуя в январе-феврале 1918 г. группой войск на Киевском направлении, Муравьев продемонстрировал специфическую грань своего полководческого «таланта» – готовность к масштабным репрессиям – как в ходе боевых действий, так и после установления своей власти. Полтава и Киев содрогнулись от действий этого кандидата в красные «бонапарты». Режим террора, артобстрел Киева, применение при штурме города отравляющих газов, массовые расстрелы «врагов революции», одна из крупнейших за всю гражданскую войну расправа над русским офицерством²³. Эти и многие другие проявления военной «тактики» Муравьева не только поражают своей свирепостью, превосходящей «норму» даже тогдашнего ожесточения, но и заставляют задуматься о его психическом здоровье (вспомнить о тяжелейшем ранении в голову в Русско-японскую войну, а также о многочисленных ранениях в пору Первой мировой).

Не отставал от него в ратных подвигах и Н. А. Григорьев. Еврейские погромы и грабежи мирного населения, перемежавшиеся запоями и похмельем, были любимым «жанром» боевых действий отрядов атамана²⁴.

Роднили двух героев и события, ознаменовавшие кульминацию их жизненного пути: мятеж стал финальным всплеском военно-политической активности Муравьева и Григорьева, родня буйных красных командиров с их корсиканским предшественником.

Оказавшись в Приднестровье с заданием отбить Бессарабию у румынских войск, М. А. Муравьев лишь поначалу действовал успешно. Наступление австро-германских сил вызвало паническое бегство его разлагающегося войска, успешного разве что в боях с городскими обывателями. 1 апреля 1918 г. Михаил Артемьевич, оставив свою армию, был уже в Москве, где чрезвычайно возмутился Брестским миром и начал угрожать его сорвать. (Арест в середине апреля по обвинению в превышении полномочий на Украине и освобождение в мае по ходатайству левых эсеров из ВЦИК не остудили его патриотического пыла.) Надо отметить, что

²² Цит. по: Савченко В. А. Указ. соч. С. 102.

Savchenko V. A. Op. cit. S. 102.

²³ См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 64.

Volkov S. V. Tragediya russkogo ofitserstva. M., 2001. S. 64.

²⁴ См., к примеру: Савченко В. А. Указ. соч. С. 87–90; Мишина А. В. Н. А. Григорьев – атаман повстанцев Херсонщины // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/n-a-grigoriev-ataman-povstantsev-hersonschiny>

Savchenko V. A. Op. cit. S. 87–90; Mishina A. V. N. A. Grigor'ev – ataman povstantsev Khersonshchiny // Novyi istoricheskiy vestnik. 2007. № 1 (15) / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/n-a-grigoriev-ataman-povstantsev-hersonschiny>

риторика помощи «восставшим братьям» из Германии и Австрии, обращения к Ленину с обещанием начать формировать армию для этих целей, были очень показательны для Муравьева, стремившегося так некстати вмешаться во внешнюю политику большевистского руководства.

Впрочем, в тот момент Муравьев снова оказался нужен советской власти. В июне он – командующий Восточным фронтом, сражается с чехословацким корпусом и отрядами армии Комуча. Впрочем, левозэсеровский мятеж в Москве в июле 1918 г. возрождает серьезные сомнения в преданности Муравьева, несмотря на его заверения в лояльности большевикам. Далее следует кульминация того военно-авантюрного романа, в который Михаил Артемьевич превратил последний год своей бурной жизни. (Предусмотрительный Владимир Ильич не зря отдавал распоряжение контролировать все поступки неугомонного командира.) Уже через два дня после подавления мятежа левых эсеров «неоднократно преданный» большевикам Муравьев, с двумя верными полками прибывает из штаба фронта в Казани в Симбирск (где сильны были позиции левых эсеров). Для чего? Чтобы арестовать... самого М. Н. Тухачевского (к слову сказать, ещё одного претендента в тогдашние «бонапарты»), а заодно и всё большевистское руководство Симбирска. Всё дело в том, что чудом избежавший тогда расстрела командарм I-й армии Восточного фронта не разделил с амбициозным Муравьевым его грандиозных планов. С истинно наполеоновским размахом оперируя географией, политикой и военной стратегией, Муравьев всерьёз решил, провозгласив себя главкомом, широким жестом объявить войну Центральным державам и, соединив усилия Восточного фронта с чехословацким корпусом, совершить поход на Запад. Намерение явно терявшего чувство реальности Муравьева создать в Поволжье новую советскую республику с левозэсеровским руководством выглядело уже скромной подробностью на фоне его военно-политических затей европейского масштаба...

Похоже, Ленин не без чувства облегчения объявил амбициозного и опасного смутьяна «врагом народа». В совместном с Троцким правительственном обращении он уточнял, что «всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте»²⁵. Впрочем, это распоряжение было уже излишним: накануне публикации обращения, 11 июля, Михаил Артемьевич был убит чекистами прибывшего из Москвы особого отряда (по официальной информации он застрелился)²⁶. Держать в застенках всё ещё популярного в войсках командира казалось опасней.

Этот эпизод ещё раз подтвердил известное наблюдение о том, что истории свойственно повторяться: один раз в виде трагедии, другой – в

²⁵ Троцкий Л. Об измене Муравьева // Известия ВЦИК. 12 июля 1918 г. Автором текста обращения был Троцкий.

Trotsky L. Ob izmene Murav'eva // Izvestiya VTsIK. 12 iyulya 1918 g.

²⁶ Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 614.

Fel'shtinskii Yu. G. Krushenie mirovoi revolyutsii. Brestskii mir: Oktyabr' 1917 – noyabr' 1918. M., 1992. S. 614.

виде фарса. Последние дни Муравьева должны были напомнить победоносный марш Наполеона на Париж после высадки с Эльбы. Однако замысел триумфального шествия из Симбирска на Москву так же мало имел общего с дерзким рывком Бонапарта, как и сам крестьянский сын Михаил Артемьевич – с неистовым корсиканцем. Эпитафией ему звучат слова Тухачевского, отказавшегося разделить с Муравьевым «наполеоновскую» миссию в Советской России. Даже с поправкой на понятную личную неприязнь к опасному авантюристу, высказывание Михаила Николаевича показательно для представлений о реальном масштабе личности несостоявшегося «красного бонапарта»: «Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках. Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно нежизненны... Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше»²⁷. Всё дело в том, что тактика использования властью неприглядных качеств Михаила Артемьевича в конце концов стала противоречить стратегическим задачам самой же власти, порождая неизбежность подобного финала.

«Не вышло из Муравьева Наполеона. – Подводит итог политической биографии Муравьева исследователь Борис Соколов. – Прав Тухачевский: Михаил Артемьевич оказался никудышным предводителем мятежа (удавшийся мятеж, как известно, зовут революцией), не сумел правильно оценить обстановки и даже грамотно провести пропаганду среди своих солдат»²⁸.

Очевидно и то, что психическая неадекватность и «градус» авантюристичности несостоявшегося «наполеона» превосходили даже тогдашние реалии революционных психопатологий. Мятеж силою двух полков против всех верных большевикам частей Красной армии и ЧК был обречён. Остатки полководческой харизмы и возможность пограбить оказывались для войск в тех условиях уже недостаточными аргументами для того, чтобы перейти на сторону незадачливого в организационно-политическом отношении «бонапарта». Однако прецедент Муравьева впечатался ощущением реальной угрозы в формирующуюся историческую память большевистского режима.

Мятежное выступление Григорьева оказалось масштабней и поучительней для советской власти, опасно заигравшейся с честолюбивыми амбициями ею же возвышаемых военачальников. После того, как с лёгкой руки щедрого атамана материальные блага Антанты (38 эшелонов обмундирования, винтовок, цистерн с нефтью и бензином) благополучно отправились в херсонские сёла, сам Григорьев получил от большевистского руководства обещание дать под его командование армию для похода в Европу – на помощь Советской Венгрии. Исследователи по-разному расценивают эту инициативу – и как намерение «растворить» в этом походе силы

²⁷ Цит. по: Соколов Б. В. Указ. соч. С. 65.

Sokolov B. V. Op. cit. S. 65.

²⁸ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 65.

Sokolov B. V. Op. cit. S. 65.

Григорьева, доставлявшего столько хлопот на Украине, и как искреннее желание использовать это единственное боеспособное соединение, уже имевшее опыт войны с иностранными войсками²⁹.

Характерно, что именно тогда секретарь ЦК КП(б)У Ю. Пятаков в письме к Антонову-Овсеенко изложил идею ЦК: «Григорьева нужно немедленно ликвидировать» как «элемент очень ненадежный»³⁰. Дальнейшие действия атамана лишь подтвердили эти опасения. Не спеша исполнять интернациональный долг, Никифор Александрович предпочёл заграничному походу выступление на родной Украине. Уже с начала мая 1919 г. продотряды и евреи по привычке стали главными объектами для григорьевских повстанцев на Херсонщине³¹. Погромная тактика подкреплялась и объективными причинами – широким социальным недовольством крестьян продразвёрсткой³².

7 мая командующий 3-й украинской армией М. Худяков потребовал от Григорьева в 24 часа прекратить безобразия, под угрозой сместить его с командования и объявить мятежником. В тот же день несколько чекистов Особого отдела фронта, ворвавшись в штабной вагон, объявили Григорьева арестованным, но через несколько минут сами были расстреляны верными сторонниками украинского «бонапарта». Переход через этот «рубикон» атаман сопроводил программным документом, издав 8 мая 1919 г. Универсал (манифест) «К народу Украины и бойцам Красной Украинской Армии» с призывом к всеобщему восстанию. Документ показателен в смысле представлений о политической и общественной составляющих программы мятежного атамана³³.

²⁹ Цит. по: Савченко В. А. Указ. соч. С. 105.

Savchenko V. A. Op. cit. S. 105.

³⁰ Там же.

Ibidem.

³¹ Антонов-Овсієнко В. О. В боротьбі за Радянську Україну // Літопис революції. 1931. № 3 (48). С. 99.

Antonov-Ovsienko V. O. V borot'bi za Radyans'ku Ukraïnu // Litopis revolyutsii. 1931. № 3 (48). S. 99.

³² См.: Там же. С. 104.

Ibidem.

³³ Текст документа гласил:

«Народ украинский! Бери власть в свои руки. Пусть не будет диктатуры ни отдельного человека, ни партии. Пусть живет диктатура трудового народа, пусть живут мозолистые руки крестьянина и рабочего. Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа, долой насилие слева! Пусть живет власть народа Украины!

Перед вами новая борьба. Боритесь – поборете!

Я, атаман Григорьев, и мой штаб головы свои положил за права трудящегося люда. Последняя ставка. Для себя мы не ищем ничего. Дайте нам поддержку и этим спасете свое право. Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием и немедленно захватывайте все станции железных дорог, на каждой ставьте своих комиссаров... Немедленно организуйте народную власть.

В каждом селе выберите крестьянский совет, в каждой волости – волостной совет, в каждой губернии – губернский совет. В совет имеют право быть избранными представители всех партий, которые стоят на советской платформе, и те, кто признают себя

Этот манифест можно считать своего рода «бонапартистской» декларацией (провозглашение непартийного характера власти, популизм пополам с апологией «сильной руки» военного лидера). При этом оставались не вполне ясны пути сочетания непартийности власти с партийностью советов, а также основания, по которым подобные советы руководили бы восстанием в пользу установления непартийной власти, иными словами – режима личной власти самого Никифора Александровича. Провозглашённое государство должно было быть чисто украинским, где русские, евреи и поляки автоматически попадали бы в стан противников Григорьева. А конкуренция на «площадке» национальной украинской государственности с Украинской Народной Республикой Петлюры не могла не добавить проблем и сужала потенциальную поддержку. Уверенность Григорьева в том, что военное строительство как таковое может разрешить политические проблемы, была достаточно наивной для претендента на реальную власть. Как и расчёт на стихию крестьянской среды, интересы которой редко переходили за границы уезда, и если восставших что и объединяло, так это ненависть к одиозной продрозвёрстке. Впрочем, всё это не помешало «григорьевщине» стать в мае – июне 1919 года серьёзной угрозой для большевистской власти.

Опасность восстания атамана Григорьева состояла в том, что сдетонировала выступлениями других украинских атаманов³⁴. Даже самые жёсткие меры властей (объявление Григорьева Советом рабоче-крестьянской обороны Украины «вне закона», предписание гражданам Советской Украины расстреливать его и его сторонников на месте, угроза карать «вплоть до расстрела» за содействие Григорьеву и его сообщникам³⁵, децимации пленных григорьевцев) далеко не сразу помогли справиться с активностью повстанцев. Лишь консолидация всех войск Советской Украины и действия регулярной Красной армии в итоге привели к ликвидации мятежа, по «григорьевской» традиции сопровождавшегося грабежами, погромами и безудержным пьянством... Советское командование сумело оперативно перебросить на Украину 10-тысячное подкрепление из России. Как свидетельствуют обращения украинских коммунистов, именно в российских частях

беспартийными, но поддерживают советскую власть. В состав Советов могут входить представители всех национальностей пропорционально их количеству на Украине, т. е. для украинцев в Совете – 80%, для евреев – 5% и для всех других национальностей – 15%! При таком распределении мест не будет засилья ни партий, ни наций. Глубоко верю, что то будет действительно народная власть.

Пусть живет свобода печати, совести, собраний, союзов, забастовок, труда и профессий, неприкасаемость личности, мысли, жилища, убеждений и религии!

Порядок необходим. Долой самоуправство!» (Цит. по: *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 111–113).

³⁴ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 98–99.

Kakurin N. E. Kak srazhalas' revolyutsiya. M., 1990. T. 1. S. 98–99.

³⁵ Гражданская война на Украине, 1918–1920: сб. док. и матер. М., 1967. Т. 1. Кн. 2. С. 33–34.

Grazhdanskaya voina na Ukraine, 1918–1920: sb. dok. i mater. M., 1967. T. 1. Kn. 2. S. 33–34.

они видели свою наиболее надежную опору³⁶. Когда григорьевцы стали терпеть поражения, многие бывшие красноармейцы вновь вернулись под красные знамена³⁷.

Однако важную роль в разгроме мятежа сыграло то обстоятельство, что большевики сумели переиграть Григорьева на его же поле популизма. Не всем крестьянам Украины были близки лозунги борьбы с продотрядами. На стороне большевиков выступили украинские бедняки, поддержавшие продразверстку как возможность восстановить «социальную справедливость» – то есть «законно» обобрать своих зажиточных односельчан. Отсутствие у кандидата в «бонапарты» серьезной позитивной программы также сработало против него в условиях, когда призывы «бей жидов, ЧК и продотряды!» уже не обладали прежней вдохновляющей силой.

Временный союз Григорьева и Нестора Махно – не только не усилил позиций Никифора Александровича, но и ускорил его конец³⁸. В итоге анархист Махно, не согласный с проденикинскими настроениями авторитарного атамана, сумел сделать то, чего не удалось большевикам. 27 июля Григорьев, обвиненный в предательстве за связь с Деникиным, вместе со своим телохранителем был расстрелян махновцами.

И всё же нельзя не ометить, что Григорьев в тогдашней череде кандидатов в «бонапарты» стал тем, кто *на деле* поднял восстание против большевистской власти. А поражение атамана было предопределено его же честолюбивым стремлением проявить себя полководцем, каковым он не являлся. Громкие победы над интервентами? Но в тот момент они и сами готовились эвакуироваться из Одессы. Успехи в начале антибольшевистского восстания? Но они определялись не столько стратегическим талантом Григорьева, сколько временным переходом на его сторону части советских войск. Солдатам же его дивизии лучше всего удавались погромы местечек и реквизиции имущества мирных жителей.

Впрочем, мог ли в принципе состояться сколь-нибудь серьезный «бонапарт» в тех обстоятельствах? Само положение Украины между Советской Россией и возрожденной Польшей препятствовало этому. Хоть с польской стороны и выражалось желание иметь независимое Украинское государство как буфер с Россией, но собственные претензии Польши на

³⁶ Михайличенко Д. Ю. Травнева військово-політична криза в УСРР, 1919 р. // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 556. Сер.: Історія України. Вип. 5. Х., 2002. С. 137.

Mikhailichenko D. Yu. Travnova viis'kovo-politichna kriza v USSR, 1919 r. // Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V. N. Karazina. № 556. Ser.: Istoriya Ukraïni. Vip. 5. Kh., 2002. S. 137.

³⁷ Таким образом, у противников атамана был почти трехкратный численный перевес. См. подробнее: Савченко В. А. Указ. соч. С. 118.

Savchenko V. A. Op. cit. S. 118.

³⁸ См.: Федоровский Ю. О взаимоотношениях атамана Григорьева и батьки Махно в 1919 году // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 169–171.

Fedorovskii Yu. O vzaimootnosheniyakh atamana Grigor'eva i bat'ki Makhno v 1919 godu // Voprosy istorii. 1998. № 9. S. 169–171.

часть украинских земель ослабляли украинское национальное движение. Непризнание странами Антанты независимости Украины также перекрывало пути местным «бонапартам», а тем более Григорьеву, отличившемуся в боях с эвакуировавшимися греческими и французскими войсками. Отсутствие у атамана элементарной политической грамотности и умения приобретать союзников в обстоятельствах укрепления позиций большевиков всё явственней сужали пространство для конкурирующих политических проектов. Будь то украинских или российских.

Итак, несостоявшиеся «бонапарты», вдоволь натешившись созданием «настоящей анархии вместо порядка»³⁹, один за другим становились жертвами собственного авантюризма. Злой сарказм истории на их примере проявился с особой очевидностью: он сказался явной «игрой на понижение», свойственной, по мнению исследователей, «синдрому бонапартизма», насквозь проникнутого «духом отчаяния и авантюры»⁴⁰.

В процессе российской «бонапартизации» красных командиров определённую роль сыграла их способность и готовность играть на пороках людей, на страстях военно-революционной стихии. Ибо гениальность исторического прототипа, как утверждает Владимир Семенко, «состояла помимо всего прочего ещё и в том, что он сумел реальные рычаги власти, связанные с учетом корысти, алчности, стяжательства и других пороков людей, поставить на службу делу государственного строительства (например, фактический подкуп армии за счет грабежа в итальянском походе). Все проявления распада и разложения общества Бонапарт умел гениально превращать в цемент для скрепления общества в единое целое и налаживания общественных связей»⁴¹.

Непреодолимый провинциализм амбиций, воинствующий дилетантизм политической культуры, психопатологии личных качеств тогдашних кандидатов в советские «бонапарты», деятельность которых была проанализирована в данной работе, с неизбежностью обрекали на неудачу все их попытки хоть как-то оформить режим личной власти, профанируя свою политическую роль, делая её, по справедливому выражению классика, «одновременно отвратительной и смешной»⁴².

³⁹ Маркс К. Указ. соч. С. 217.

Marks K. Op. cit. S. 217.

⁴⁰ См., к примеру, беседу Игоря Волгина с Михаилом Наринским: «Развенчанная тень. Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // История. Журнал издательского дома «Первое сентября». 2001. № 17. <http://his.1september.ru/article.php?ID=200101703>

⁴¹ Семенко В. Виртуальный бонапартизм. // Независимая газета. Приложение «НГ-Политика». 16.09.2000. URL: http://www.ng.ru/polemics/2000-09-16/8_virtual.html

Semenko V. Virtual'nyi bonapartizm. // Nezavisimaya gazeta. Prilozhenie «NG-Politika». 16.09.2000. URL: http://www.ng.ru/polemics/2000-09-16/8_virtual.html

⁴² Маркс К. Указ. соч. С. 217.

Marks K. Op. cit. S. 217.

Список литературы:

1. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
2. Ганин А. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4.
3. Зданович А. «Тёплая компания «Красного Бонапарта». // Родина. № 12.
4. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1.
5. Михайличенко Д. Ю. Травнева військово-політична криза в УСРР, 1919 р. // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 556. Сер.: Історія України. Вип. 5. Х., 2002.
6. Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918. М., 2006.
7. Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое исследование. Харьков; М., 2000.
8. Секиринский С. С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6.
9. Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск, 1999.
10. Сорокин П. А. Социология революции. М., 2008.
11. Федоровский Ю. О взаимоотношениях атамана Григорьева и батьки Махно в 1919 году // Вопросы истории. 1998. № 9.
12. Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992.

**«KONFISKOVAT' REVOLYUTSIYU V SVOYU POL'ZU»?
(«CONFISCATING REVOLUTION IN ONE'S FAVOR»?) ON THE
PHENOMENON OF «SOVIET BONAPARTISM»**

T. A. Filippova

Russian academy of sciences, the Institute of Russian History, the Institute of Oriental Studies, Moscow

The article entitled deals with some aspects of the history of forming of the «Soviet Bonapartism» phenomenon in the period of Civil War in Soviet Russia as a problem of bolshevism political culture. The author's analysis is connected with the problematic field of interpretations of the menace (both real and imaginary) to the early Soviet regime from the popular «red commanders» – on the examples of M. A. Muraviev and N. A. Grigoriev. The inevitable shift of the revolution towards the civil war had much in common with the historical situations of both French and Russian revolutions. The realization of this political algorithm meant that the regime should immediately and adequately react to the activity of those who were under suspicion in «bonapartist» ambitions.

The work is mainly based on published sources (historical-philosophical works of the ideologists and the «creators» of socialism – K.Marx, L.Trotsky, V. I. Lenin; memoirs and diaries of the participants of the Civil

war, official documents characterizing Bolshevik leadership policy towards the «red commanders»; modern publicist accounts on problems of Civil war and «Soviet Bonapartism»). Theoretical-methodological aspects of the work are connected with using methods of psychohistory, analysis of the emotional nature of social and political behavior of individuals and masses in the conditions of a historic crisis. Along with techniques traditional for the method of historicism and comparative techniques, cultural-anthropological strategies of deconstructing the nature of «Soviet Bonapartism» are being used. Based on the work accomplished, the author comes to the conclusion: cultural provincialism, political amateurism and psychopathologies of personal qualities (in the framework of the general course of the Bolshevik rule) naturally doomed the attempts of «Soviet Bonapartes» to secure the regime of personal power. However, it was in early Soviet Russia that the «repertoire» of images and mythologems of «Soviet Bonapartism» began to form – both as phobias of the authority and as arguments in struggle against the political enemies – real and imaginary ones.

Keywords *Civil War in the Soviet Russia, Soviet Bonapartism phenomenon, Napoleon, bolshevism phobia, M. A. Muraviev, «muravievschina», N. A. Grigoriev, «grigorievschina», N. I. Makhno, V. F. Antonov-Ovseenko, bolshevism political culture.*

Об авторе:

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, РАН, институт российской истории, институт востоковедения, (117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: filipova2006@yandex.ru

About the authors:

FILIPPOVA Tat'yana Aleksandrovna – the candidate of historical sciences, the senior research fellow, Russian academy of sciences, the institute of russian history, the institute of oriental studies (117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: filipova2006@yandex.ru

References

- Volkov S. V. Tragediya russkogo ofitserstva. M., 2001.
Ganin A. «Smolensk prodiktuet svoyu rol' Moskve». Voennaya elita i podgotovka bonapartistskogo perevorota v SSSR // Rodina. 2013. № 4.
Zdanovich A. «Teplaya kompaniya «Krasnogo Bonaparta». // Rodina. № 12.
Kakurin N. E. K.ak srazhalas' revolyutsiya. M., 1990. T. 1.
Mikhailichenko D. Yu. Travneva viis'kovo-politichna kriza v USRR, 1919 r. // Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V. N. Karazina. № 556. Ser.: Istoriya Ukraïni. Vip. 5. Kh., 2002.

- Petibridzh R. Russkaya revolyutsiya glazami sovremennikov. Memuary pobeditelei i pobezhdennykh. 1905–1918. M., 2006. S. 334–335.
- Savchenko V. A. Avanturyisty grazhdanskoi voiny: Istoricheskoe rassledovanie. Khar'kov; M., 2000.
- Sekirinskii S. S. Napoleon v Rossii: sud'ba legendy // Rossiiskaya istoriya. 2012. № 6.
- Sokolov B. V. Mikhail Tukhachevskii: zhizn' i smert' «Krasnogo marshala». Smolensk, 1999.
- Sorokin P. A. Sotsiologiya revolyutsii. M., 2008.
- Fedorovskii Yu. O vzaimootnosheniyakh atamana Grigor'eva i bat'ki Makhno v 1919 godu // Voprosy istorii. 1998. № 9.
- Fel'shtinskii Yu. G. Krushenie mirovoi revolyutsii. Brestskii mir: Oktyabr' 1917 – noyabr' 1918. M., 1992.

Статья поступила в редакцию 12.05.2013